

Ячейка была пуста. Совершенно пуста, тут не могло быть никакой ошибки — он шарил рукой, ощупывая пальцами каждый угол, но нет, ни осязание, ни зрение его не подводили — в ячейке не было ничего. Исчезло все — брошь с бриллиантами, кулон в виде капли — редкий изумруд, серьги с сапфирами. В пересчете на денежные знаки — довольно ощутимая сумма.

Но его напугало не отсутствие драгоценностей. Вместе с ними исчезло кое-что более важное, кое-что такое, от чего в буквальном смысле зависит его жизнь. И неизвестно, в чьих руках теперь это яйцо с иглой, которую ничего не стоит сломать — и тогда... Тогда даже страшно представить, что случится и с ним, и еще с очень многими людьми.

Он обхватил руками голову и застонал. Да, нужно искать — но как сделать это, не привлекая внимания к вроде бы незначительному предмету, в котором теперь заключена его жизнь и его смерть? Как сместить акцент в сторону пропавших драгоценностей, но не выказать того, что дело вовсе не в них?

МАРИНА КРАМЕР

Деньги — что такое деньги в сравнении с тем, что он может потерять? И даже поделиться ни с кем нельзя, никому нельзя рассказать.

Неужели... жена? Неужели это она?! Ведь больше ни у кого не могло быть доступа к этой ячейке.

Неужели все-таки она?!

Аделина

Ни за что не променяла бы свой город на какой-то другой.

Нет, серьезно — не могла бы просыпаться утром, зная, что на календаре начало декабря, а за окном, например, зеленые пальмы, а не гнущиеся под тяжестью снежных сугробов ветки старого тополя. Да и Новый год без снега для меня вообще не праздник. Наверное, чтобы воспринимать отсутствие снега в декабре как что-то само собой разумеющееся, нужно родиться в ином климате. А я родилась здесь, и потому сугробы в декабре для меня такая же обыденная вещь, как для кого-то морские купания в это время года.

Вот и сегодня, едва выбравшись из постели, я открыла шторы и с удовольствием посмотрела на улицу. Внизу дворник орудовал лопатой, расчищая дорожку, ведущую от подъезда к выходу со двора.

Было еще очень рано — похоже, в такое время встает только мы с Матвеем и дворник. Ну, у дворника работа, а нам до своей еще добраться надо. Кроме того, сегодня нужно решить очень насущный вопрос с приемом на работу нового хирурга.

Я нахмурилась, вспомнив об этом.

Вчера у меня состоялся довольно неприятный раз-

ТЕРАПИЯ ПАМЯТИ

говор с мужем, и я до сих пор считала, что Матвей напрасно настаивает на своем.

Мне казалось, что мы в состоянии справиться с потоком клиентов и без привлечения новых специалистов, которым нужно будет еще и испытательный срок пройти, а два последних кандидата убедили меня, что в своем нежелании я права.

Но Матвея неожиданно поддержал и мой заместитель Васильков, что крайне меня удивило и разозлило.

Сегодня предстоит принять решение, и что-то подсказывало, что придется считаться со мнением Василькова и Мажарова.

Я оттягивала момент, как могла, находила себе десятки дел, до которых раньше не доходили руки, даже собственноручно проверила аптеку, удивив заведующую.

Однако ближе к вечеру в кабинет пришел Матвей, правда, без поддержки в лице Василькова, который почувствовал себя плохо и уехал домой чуть раньше.

Брать нового хирурга не хотелось. Я взвешивала все «за» и «против», но получалось, что без еще одного оперирующего врача нам не справиться. Клиника вышла на новый уровень, клиенты начали приезжать из других городов, и обеспечить своевременное оказание услуг имеющимся количеством врачей уже было трудновато.

— Придется брать, — со вздохом сняв очки, проговорила я.

Матвей, пивший кофе на диване, только улыбнулся. Он знал о моей нелюбви к новым людям — их все время приходится контролировать на первых порах, присматривать за ними, выяснять, соответствуют ли их

МАРИНА КРАМЕР

навыки стандартам, которых придерживаются в клинике, и все это, разумеется, ложится на мои плечи — никогда не переключивала это на других хирургов.

— Деля, а выхода нет, — отставив чашку на столик, сказал Мажаров. — Если мы сейчас не усилимся еще одним хирургом, после Нового года вынуждены будем отказываться в госпитализации. Ты ведь не захочешь отказать от социальных программ, не перестанешь работать с теми, кого к нам отправляет городская больница, не прекратишь бесплатно оперировать детей? Значит, нам нужен еще один хирург, который будет делать на первых порах не самые сложные операции, а со временем перейдет и на более объемные.

Я молчала, глядя в окно.

Конец октября и ноябрь в этом году выдались снежные, дня не было, чтобы город и окрестности не заваливало сугробами. Мне приходилось оплачивать работу снегоуборочной машины, чтобы дорога до клиники, пролежавшая через лес, всегда была вычищена.

— Где Новый год будем встречать? — спросила я, оторвавшись от созерцания тихо падающих за окном хлопьев, и Матвей наверняка понял — дальнейший разговор не имеет смысла, я уже все решила, а о результате объявлю, когда окончательно утвержусь во мнении.

— А где ты хочешь?

— Твоя мама предлагала поехать на дачу.

Матвей чуть приподнял бровь:

— С чего вдруг? За то время, что мы с тобой жена-ты, на даче были раза два, и вдруг ты хочешь Новый год там отмечать?

— А почему нет? Ты только представь — три дня без людей, в тихом дачном поселке, где практически ни-

ТЕРАПИЯ ПАМЯТИ

кого нет, можно даже телефоны отключить, — мечтательно произнесла я, забросив руки за голову и откинувшись на спинку кресла.

— Понятно, значит, выходных в нашей клинике всего три дня, — рассмеялся Матвей, — а все прогрессивное человечество отдыхает десять, между прочим.

— Ты можешь присоединиться к большинству, я ничего не имею против. Но я должна вернуться в город через три дня, чтобы иметь возможность приехать в клинику. Надеяться на дежурантов, сам понимаешь, я не привыкла. Плановых операций не будет, но ведь это не значит, что клиенты должны остаться без врача, правда?

Матвей ничего не ответил на это, отлично зная, что спорить и возражать бесполезно.

Я всегда поступала так, как считала для себя правильным, а клинику любила как ребенка, да, по сути, она и была моим ребенком, эта клиника — капризным, вечно требующим присмотра, немедленно заболевающим, стоит матери отлучиться ненадолго.

Сам по натуре трудоголик, Мажаров не осуждал меня за такое рвение и фанатизм, без этого я никогда не добилась бы того, что имею сейчас.

— Кандидаты-то есть? — спросил муж, имея в виду должность хирурга.

Я молча взяла со стола несколько распечатанных резюме и помахала ими.

Матвей покачал головой:

— Собеседование будешь проводить?

— Нет. Я уже определилась.

— Поделишься?

— Пока нет.

Мажаров только рукой махнул:

— Все, собирайся, домой поедем.

МАРИНА КРАМЕР

Ульяна

Привыкшее за долгие годы тренировок к нагрузкам тело почти автоматически выполняло утренний комплекс упражнений.

Ульяна чувствовала, как организм просыпается, приходит в форму и готовится к новому дню, от которого многое зависит.

Наскоро приняв душ, она позавтракала соевыми проростками, залпом выпила стакан смузи из шпината и лимона и отправилась выбирать одежду.

Ульяна специально завела будильник на час раньше обычного, знала, что с выбором приличного костюма придется повозиться, потому что с вечера не успела — традиционные мамыны посиделки с яблочным пирогом, от которых нельзя было отказаться, затянулись почти до полуночи.

От съеденного пирога ее всю ночь тошнило, пришлось выпить пару таблеток, так что уснула Ульяна только под утро, но зарядка и душ привели ее в чувство.

Да, сегодня все решится, сегодня — или она опять вынуждена будет выслушивать колкости отчима.

Нахмурившись, Ульяна вошла в гардеробную, устроенную в маленькой кладовке, и принялась перебирать одежду на вешалках.

Рука привычно потянулась к брюкам, но молодая женщина одернула себя — нет, только юбка.

Да, вот эта вполне годится — строгая, чуть ниже колена, к ней можно подобрать блузку... хоть эту, с пышными рукавами и воротником-стойкой.

Оглядев себя в зеркале, Ульяна брезгливо сморщилась и потянулась за косметичкой, испытывая, однако,

ТЕРАПИЯ ПАМЯТИ

к ее содержимому не меньшее отвращение, чем к необходимости надевать юбку.

Через полчаса она уже шла к парковке, где стояла на прогреве темно-вишневая «Мазда» — не новая, но и не битая, как раз такая, какую она могла себе позволить, ни у кого не одалживаясь.

В машине было тепло, Ульяна расстегнула шубу, настроила радио на любимую волну и выехала с парковки.

Путь предстоял неблизкий, за город, и потом еще по лесу, но, если все получится, она, наконец, перестанет в присутствии отчима вжимать голову в плечи и стараться стать как можно незаметнее.

Преодолев настоящий КПП на въезде в клинику, куда, оказывается, попасть можно было только по спецпропуску либо по звонку из административного корпуса, Ульяна припарковала машину на гостевой парковке, как ей велел охранник, и направилась к трехэтажному белому зданию.

Дорожка к нему, как, впрочем, и все дорожки здесь, была уже расчищена и выметена, со скамеек, во множестве расположенных тут и там, тоже был сметен снег.

В холле корпуса Ульяну встретила девушка в голубом жилете и такой же юбке. На лацкане жилета болтался бейджи, и Ульяна успела прочесть надпись: «Алла Махеева, референт».

— Вы — доктор Ненашева? — спросила девушка, сверившись с каким-то листком, укрепленным на планшете, который она держала в руке.

— Да...

МАРИНА КРАМЕР

— Тогда давайте шубку в гардероб сдадим и пойдем, Аделина Эдуардовна вас ждет.

Вслед за Аллой Ульяна поднялась по широкой лестнице на второй этаж и оказалась в приемной. Девушка указала ей на диван и попросила минуту подождать, а сама скрылась за массивной дверью.

Ульяна присела на край, стараясь не измять юбку и в душе ругая себя за этот выбор.

«Надо было все-таки в брюках ехать... вон складки какие, выгляжу, наверное, неряхой».

Дверь кабинета открылась, в проеме показалась Алла и жестом предложила Ульяне войти.

Ненашева нервно одернула злосчастную юбку, почувствовала, как вспотели ладони, и мысленно выругалась — ну, не хватало только в обморок упасть, а еще хирург.

За столом сидела худощавая блондинка с чуть длинноватым носом и узко посаженными холодными глазами.

Она окинула замершую на пороге кабинета Ульяну быстрым оценивающим взглядом, и пригласила:

— Проходите, Ульяна Борисовна.

Ненашева сделала неловкий шаг, пошатнулась на каблуках, но быстро восстановила равновесие каким-то профессиональным движением и подошла к столу, отодвинула кресло, присела на край, радуясь, что в таком положении мятую юбку владелица клиники не увидит.

— Я просмотрела ваши документы, Ульяна Борисовна. Блестящие рекомендации... — Во взгляде Драгун Ульяна вдруг уловила легкую насмешку и выпрямилась.

ТЕРАПИЯ ПАМЯТИ

— Это не имеет отношения к... — но Драгун перебила:

— Я ведь так не сказала. Я отметила блестящие рекомендации, данные вам коллегами и предыдущим начальником, а вот ему как раз я склонна доверять. Основываясь на них, я готова взять вас на испытательный срок. Но сразу предупреждаю — поблажек не будет, я ко всем врачам отношусь одинаково, независимо от того, по чьей рекомендации они сюда приходят. Мне важно только одно — соответствие стандартам, принятым в моей клинике, и четкое выполнение своих профессиональных обязанностей.

Ульяна почувствовала, что краснеет — так бывало всегда, если с ней начинали разговаривать на повышенных тонах или отчитывали.

— И еще, Ульяна Борисовна... в моей клинике действует правило — все кандидаты проходят собеседование с психологом, он у нас свой и работает как с пациентами, так и с персоналом. Без его заключения я контрактов не подписываю. Если вас все устраивает, можете оформлять документы, Алла покажет, где у нас отдел кадров, — заключила Драгун, не сводя с лица Ульяны взгляда.

— Меня все устраивает, — стараясь четко выговаривать слова, произнесла Ненашева, которую это заявление не очень порадовало.

— Тогда оформляйтесь, встретимся завтра на планерке. Пропуск на территорию вам выдадут, его желательно не оставлять без присмотра, у нас строгий пропускной режим, это делается для комфорта и безопасности клиентов — кстати, в клинике пациентами их не называют. До завтра, Ульяна Борисовна.

МАРИНА КРАМЕР

Ульяна пошла к двери, затылком ощущая все тот же оценивающий взгляд.

«Я совсем разучилась держать удар... вот сейчас никто не нападал, а я... нет, надо возвращаться к тренировкам, нельзя бросать, это помогает мне держаться, всегда помогало...»

Регина

Все зеркала в доме были завешены простынями, как будто здесь находился покойник.

Собственно, чем я теперь отличаюсь от него? Только тем, что еще дышу и могу передвигаться. Наверное, лучше было бы, чтобы и этого я уже не могла.

Телефонный звонок оторвал меня от тупого рассматривания солнечного пятна на стене — утро выдалось ярким, за окном блестел снег, а солнце лучами пробивалось сквозь шторы. Снег, конечно, внизу, на забранной брусчаткой дорожке, уже превратился в кашу, но крыши все еще выглядят очень привлекательно, как в сказке.

— Алло.

— Регинка, привет! — радостно сказала трубка голосом Максима Османова. — Как делишки?

«Он что — не знает? Удалось, значит, Аришке все замять, никуда инфа не просочилась... глядишь, и отделаюсь легендой о долгосрочном отпуске».

— Нормально. Ты чего звонишь с утра пораньше?

— «Пораньше»?! Это в пятнадцать-то часов утра — пораньше тебе?! — захохотал Османов. — Вот что значит актриса в простое, даже время не дуплишь.

— Ты по делу или так, потрепаться? — перебила я, не желая выслушивать остроты, не имеющие под со-

ТЕРАПИЯ ПАМЯТИ

бой никакой почвы. Османов просто не знал, чем меня уязвить за отказ сниматься в сериале, на котором он был помощником режиссера. И не мог Макс не знать, что я только-только закончила работу, ради которой и отказалась от их предложения. «В простое»!

— Я по делу. Не могу твоей агентше дозвониться, трубку не снимает, а у меня есть сценарий, и там отличная роль для тебя. Да что там... скажу честно, только не проболтайся — роль написана под тебя, так что... ну, сама понимаешь, — многозначительно добавил он.

Мне пришлось вцепиться зубами в губу, чтобы не взвыть в голос, однако это причинило лишь дополнительную боль. Черт...

— Ты чего носом сопишь? Ну, не дозвонился я до Арины, уж прости меня, госпожа прима, пришлось тебя побеспокоить, — продолжал Максим. — Так что — посмотришь сценарий-то? Люди на тебя рассчитывают.

— Присылай, — процедила я, стараясь дышать ровно и мечтая о том моменте, когда Османов положит трубку, а я смогу, наконец, выпить таблетку обезболивающего.

— Тогда курьер подъедет...

— Пришли по электронке.

— Чего вдруг? — удивился Максим.

— Мне так удобнее, — отрезала я. — С экрана читаю.

— Ну, как знаешь. Роль Алисы. Прочитаешь — отзовишься, скажи, что думаешь.

— Хорошо, — процедила я и сбросила звонок, схватила с тумбочки пузырек с таблетками и проглотила сразу две.